

A romantic movie poster featuring a close-up of a man and a woman. The man is leaning over the woman, and they are about to kiss. The woman has her eyes closed and a soft smile. The background is blurred, showing a window with light coming through.

Маша
Малиновская

Его
ЗАЛОЖНИЦА

Маша Малиновская

Его заложница

Серия «В плену страсти», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70007182*

Аннотация

Руслан Шторм. Победитель. Чемпион. Звезда спорта.

Он был слишком взрослым и слишком недостижимым для меня – дочки его тренера.

Когда его обвинили в страшном преступлении и посадили в тюрьму, я не могла с этим смириться, не могла поверить в ту чушь, которую несли о нём в новостях и «жёлтых» пабликах.

И я решила сама попытаться во всём разобраться. Вот только в день, когда я устроилась в СИЗО психологом, Шторм решил бежать, а меня прихватил в качестве гарантий.

И теперь я – его заложница.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Маша Малиновская

Его заложница

Глава 1

Я помню, как впервые увидела его.

Стояла внизу, почти у самого ринга, куда допускали только приближённых, но мне было можно – отец крайне редко мне в чём-то отказывал. Стояла и смотрела с восхищением, как *он* шёл тяжёлой, уверенной поступью, как сверкали из-под шёлкового капюшона с изображением змеи его глаза. Ему было плевать на шум вокруг, на то, как толпа скандировала: «Шторм! Шторм!»

Здоровенный, сильный, целеустремлённый, уверенный в себе.

Он шёл за победой и получал её. Одну за другой. Бой за боем. Снова и снова.

Руслан Шторм.

Многие думали, что это заслуженное в боях прозвище, потому что попасть с ним на ринг было сродни тому, чтобы попасть в настоящий шторм. Даже сильные, опытные противники долго приходили в себя после проигрышей. Самые отчаянные через время просили реванш, и снова Шторм побеждал их.

Сносил в прямом и переносном смысле.

Но нет, это было не прозвище. Это была его настоящая фамилия. И она ему чертовски шла. Полностью оправдывала себя.

Тогда, в тот самый день, когда я впервые воочию увидела одну из его первых сокрушительных побед, мне было тринадцать, а ему двадцать три. Я была малолетней девчонкой, верившей в сказки, а он – восходящей звездой спорта. Сильным и несокрушимым. Недостижимой мечтой для меня.

Позавчера мне исполнилось двадцать три, а сегодня я снова наблюдаю, как он идёт тяжёлой поступью. И как снова горит его взгляд.

Только пылает в нём уже не жажда победы, а злость. И идёт он не по помосту к рингу, не за очередной победой, а по мостовому коридору следственного изолятора в сопровождении четырёх вооружённых конвоиров.

И каждый его шаг отдаётся у меня внутри болезненным эхом.

– На что глазеее, девушки? – К нам с Олесей сзади подходит младший лейтенант Борьков.

– Так Шторма привезли, интересно же, – отвечает ему Олеся, моя одноклассница, с которой мы, студенты-психологи, проходим практику в следственном изоляторе.

– Да что в нём интересного? – хмыкает Борьков. – Такой же, как и все они.

– Ну не зна-аю, – вздыхает она. – Мне кажется, его под-

ставили. Не верю, что он мог сотворить такое.

– Ага, – Борьков снимает фуражку, зачем-то поправляет свои жидковатые рыжие волосы, а потом снова прячет их под головным убором, – всех их подставили, смотри. У таких, как этот Шторм, бабла куры не клюют, они думают, что могут себе всё позволить. Заигрываются. А потом разгоняется в прессе – подставили. Ты глянь на него реально, а не бабьими глазами – уголовник же.

Этот Борьков меня жутко раздражает. Мерзкий и на крысу похож. А я терпеть не могу крыс. Ещё и скользкий как слизняк.

– А ты, Алис, что думаешь? – смотрит на меня подруга. – Уголовник? Жаль будет, если так. Шторм крутой. Я все его бои пересмотрела. Он как машина, будто из титана, но у меня каждый раз сердце замирало, стоило ему начать бой.

– Как знать, – пожимаю плечами. – Суд разберётся.

– Эх...

Олеська вздыхает, а я молчу. Конечно, он не виноват. Никогда бы Шторм не опустился до такой мерзости, как принуждение к сексу.

Я в такое не поверю.

И отец мой не верит. Потому что знает Шторма как облупленного. Именно мой отец сделал из него чемпиона, вывел на ринг, в большой спорт. Именно он выдернул некогда бесперспективного сорванца из семьи алкоголиков-садистов и дал путёвку в жизнь.

Папа не мог ошибиться на его счёт. Он людей насквозь видит.

Конвой проводит Шторма по коридору в сторону режимного корпуса, за ними лязгает решётчатая дверь, и мы больше не можем их видеть.

– Девчонки, может, на чай ко мне в кабинет? – растягивает губы в неприятной кривозубой улыбке Борьков. – Печенье шоколадное имеется.

– Ой, нам нужно ещё дневники практики подписать у штатного психолога, – с сомнением отвечает Олеська, – может, завтра...

– Ляна Борисовна как раз на обеде, – вклиниваюсь я. – Подпишем через полчаса, а пока можно и чаю выпить.

Олеся смотрит на меня с удивлением, она ведь сразу заметила, что мне этот Борьков жутко не нравится. И мне действительно придётся постараться сдержаться, чтобы не вывернуло, когда я увижу, как его широко расставленные жёлтые зубы откусывают бедную шоколадную печенюку.

Но у меня есть цель, и Борьков может ей поспособствовать.

Мне пришлось очень постараться, чтобы попасть в группу сокурсников, которые в этом квартале проходят практику в СИЗО.

Я должна была увидеть Шторма. Должна была лично убедиться, что всё, в чём его обвиняют, – ложь. Поговорить с ним.

И вот я здесь.

От автора

Дорогие читатели! Добро пожаловать в мою новую историю! Я рада каждому, кто заглянет. Оставайтесь, у нас впереди много интересного! Предупреждаю, история планируется очень эмоциональная и очень горячая:)

Для тех, кто ещё не знаком с черновиками, поясню. Вы читаете книгу в процессе написания, главы выходят как серии. Чёткого графика выхода глав я не ставлю, потому что книга пишется прямо сейчас, это процесс творческий. Но примерно могу сказать, что продолжения будут выходить дважды в неделю – вторник и пятница. По возможности чаще.

Завершение романа планируется в сроки 3–4 месяца, книга будет завершена гарантированно. Я всегда дописываю свои истории, тут можно не переживать 😊

Я буду очень-очень рада, если вы будете читать в процессе написания, если поставите пять звёзд и присоединитесь в комментариях к обсуждению. Читательская активность – залог авторского вдохновения ♥♥

Поболтать с автором и другими читателями, узнать об акциях и скидках, принять участие в розыгрышах промокодов и бумажных книг, а также увидеть визуализацию героев можно в моём Телеграм-канале «Любовные романы Маши Малиновской» <https://t.me/mashamalinovskayawriter>

А пока вы ждёте продолжения, приглашаю вас в дилогию о родителях главной героини – уверена, их история любви вам понравится;) (первая часть дилогии «Сахар со стеклом» доступна на Литрес бесплатно)

«Сахар со стеклом» <https://www.litres.ru/book/masha-malinovskaya-31978811/sahar-so-steklom-67602180/>

Ну что, вперёд? Не забудьте отложить книжечку в корзину:* До встречи!

Глава 2

Яна Шевцова

– Когда она приедет? – гремит мой муж, грозно уперев руки в бока. – Звонила тебе?

Алексей уже не один километр намотал по кухне за последние два часа. Он не просто зол – он на взводе. Код красный, ситуация SOS, как говорится. И, зная своего мужа, я бы не позавидовала тому, кто вызвал у него такие эмоции.

Если бы это была не наша дочь. Тут всё куда сложнее.

– Лёш, успокойся, – подхожу и кладу ему ладонь на широкую грудь, чувствуя, как под мощными мышцами быстро и гулко стучит сердце. – Ты слишком сильно нервничаешь. Ты же понимаешь, что давишь на неё?

– СИЗО, Яна! – бьёт он ладонью по столу, отчего кружки и блюдца подпрыгивают, звякая друг о друга. – Она пошла на практику в СИЗО! Понимаешь? Хотя я сказал «нет»!

– Лёш, – мягко глажу по плечу, пытаюсь умирить ураган в нём нежностью. Это всегда работает. – Ты забываешь, что наша девочка выросла. Ей двадцать три года, Лёш. Она университет вот-вот закончит.

– Выросла она... – сводит брови и тяжело дышит, моргает быстро несколько раз, будто информация о том, что наша дочь больше не малышка с двумя хвостиками на макушке, только сейчас начинает доходить до него. – В каком месте,

блин, она выросла? В паспорте? Да плевать мне на её паспорт!

Он всё ещё злится, но голос уже без медвежьих рычащих нот. Дышит тяжело, грудь вздымается.

– Она меня ослушалась!

– А когда она делала иначе? – мягко улыбаюсь, подняв брови. – Это же Алиса.

Наша дочь – единственный в мире человек, который посмел манипулировать Алексеем Шевцовым, и ничего ей за это не было.

И характер у неё такой же твёрдый и настырный. Упёртая до невозможности. Уж если чего задумала, то её не остановить. Любыми способами старается добиться. А что отца нужно хитростью брать, она смекнула ещё когда носила подгузники первого размера. Сначала доведёт до белого каления, а потом бровки домиком поднимет, глазищи огромные жалостливые сделает – и поплыл большой и грозный папа-медведь.

Лёше сложно осознать, что наша девочка выросла. Она взрослый человек, уже почти освоивший профессию.

И это она ещё не выбрала спутника жизни. Я уж и представить боюсь, какую экзаменационную программу этому бедному парню устроит Лекс.

– Лёш, ничего ужасного нет в том, что Алиса проходит практику в следственном изоляторе. Практика в пенитенциарных учреждениях входит в дисциплинарный курс обуче-

ния на психолога. Мы в меде тоже проходили, я в том числе. Только меня распределили в колонию для несовершеннолетних тогда.

Лёша ерошит волосы, всё ещё тёмные на макушке, но уже сединой на висках, и подходит к окну.

– Ты прекрасно знаешь, почему она пошла туда. Именно в этом семестре и именно в этот следственный изолятор, Яна, – смотрит на меня своим тяжёлым взглядом, от которого у меня даже спустя двадцать четыре года брака дыхание перехватывает.

Знаю, конечно.

И для Лекса это ещё одна боль.

Алисе было шесть лет, когда мы решили переехать в другой район. Купили частный дом, готовились к тому, что наша малышка пойдёт в первый класс. Лёша очень хотел ещё детей, мечтал о сыне, но судьба распорядилась иначе. У меня случился выкидыш, пришлось делать операцию, в результате которой я потеряла возможность иметь детей. Мы потеряли.

И Лёша тяжело пережил тогда эту потерю. Он поддерживал меня, подбадривал – мой муж очень любит меня, – но я видела, как тяжело ему было.

В один из дней он уехал к реке, к дикому пляжу. Мне не говорил, но я знала, что иногда он ездил туда, чтобы побыть в одиночестве. А когда стал возвращаться к машине, то увидел, что один малолетний ловкач пытается скрутить с его машины колёса.

Конечно, осуществить задуманное у парня не вышло. Не на того напал, как говорится.

А ведь он действительно напал. Попытался, точнее. Когда Лекс решил объяснить подростку, что делать так не стоит, парнишка кинулся в драку.

«Безумие и отвага» – вспомнилась мне во время его рассказа фраза, которую он бросил мне же в наши первые месяцы знакомства. Тогда Лекс для меня был ужасным и жестоким сводным братом, а я пыталась ему противостоять.

Но Алексея почему-то глубоко впечатлила попытка этого сорванца отстоять себя. Что-то такое тогда мой муж увидел в глазах парня, что не дало ему сдать его в полицию.

Вместо этого он притащил пацана за шкурку к нам домой. Попросил накормить, а потом отвёз в «Чёрный дракон», где вручил боксёрские перчатки и загнал на ринг.

А через шесть лет парень получил свой первый чемпионский титул.

Лёша здорово изменил жизнь того вороватого мальчишки из семьи алкоголиков, в которой его с детства били и заставляли воровать. Поспособствовал тому, что мальчика под опеку забрала его тётя. Тренировал его бесплатно, обучил, как своим трудом и усердием выйти в люди.

В какой-то мере Руслан стал ему как сын. Он не был слишком близок к нашему дому, но занимал важную роль в жизни Алексея.

И вот буквально два месяца назад, за две недели до очень

важного боя, который должен был принести Руслану очередной чемпионский пояс, случилось ужасное.

Несмотря на запрет Алексея, Руслан поехал на два дня с друзьями к морю, а наутро за ним уже пришла полиция.

Обвинение в изнасиловании. Серьёзное и грязное дело.

Алексей не верит ни единому слову из того, что вешают на Руслана, но в СМИ и в интернете на него уже всех собак спустили.

Идёт следствие, скоро суд. И доказательства работают не в пользу Руслана.

Это плохо. Очень. Я вижу, как переживает Алексей, для него это очень личное – он вложил в мальчишку много сил не только как в спортсмена, но и как в человека.

И Алиса не верит. А она, как и её отец, не может сидеть на месте без действий, вот и решила пойти против воли отца и отправиться на практику именно в то СИЗО, в которое перевели на период следствия Руслана.

– Позвони ей, – кивает Лёша на мой телефон, что лежит на столе. – Скоро она там?..

– Едет, успокойся, – подхожу и обнимаю мужа, а он обхватывает мою голову своими огромными ладонями и скользит большими пальцами по линии подбородка. – Думаю, минут через десять уже будет.

– Очень хорошо, – грозно бормочет, а потом легонько касается своими губами моих. – Вот сейчас и получит у меня.

– Ну что ты ей сделаешь, Лёш? В угол на гречку поста-

вишь?

– Надо будет – поставлю! – Он всё ещё рычит, но вижу, что пыл утихает. Ох, только бы Алиса сейчас не подкинула дров.

– Привет, родители! – слышу сзади привычное звонкое приветствие. – Чего такие хмурые?

– Ну привет, Лиса, – голос Лекса густой и тяжёлый, и взгляд такой же.

Так, ближайшие полчаса будет серьёзно штормить. Надо набрать в лёгкие побольше воздуха и просто пережить эту вспышку.

* * *

П.С. Дорогие читатели, у родителей Алисы – Яны и Алексея – есть своя история любви. Сложная и эмоциональная. Она состоит из двух частей: «Сахар со стеклом» (электронная версия на Литрес опубликована бесплатно) и «Сахар на дне» – сегодня можно приобрести со скидкой 30 % (электронная и аудио)

Буду очень вас ждать:**

«Сахар со стеклом» ЧИТАТЬ по ссылке бесплатно: <https://www.litres.ru/book/masha-malinovskaya-31978811/sahar-so-steklom-67602180/>

«Сахар на дне» ЧИТАТЬ – 30 %: <https://www.litres.ru/book/masha-malinovskaya-31978811/sahar-na-dne-67602194/>

«Сахар на дне» СЛУШАТЬ – 30 %: <https://www.litres.ru/audiobook/masha-malinovskaya-31978811/sahar-na-dne-67792086/>

Глава 3

Алиса

«Он в курсе», – приходит сообщение от мамы.

Блин.

Бли-и-ин.

Прячу телефон обратно в карман и закусываю губы. Бури не избежать, и нужно настроиться на это.

Я прекрасно понимаю, что папа бы рано или поздно всё узнал. Скрывать от него вечно тот факт, что я пошла на практику в следственный изолятор, не получилось бы.

Он был против, но вообще-то я уже взрослая! Когда до него дойдёт, что его маленькая дочка уже совсем не маленькая?

И тем не менее я начинаю нервничать. Даже не столько из-за страха перед отцом – он у меня не бездумный тиран, и я не боюсь его, – сколько из-за того, что расстрою.

Папа очень любит меня. Мне кажется, даже слишком сильно, если вообще можно любить слишком сильно. С одной стороны, он во многом мне потакал, но с другой же, мне часто приходилось отвоёвывать всё, что было связано с самостоятельными шагами в жизни. От первой прогулки во дворе без присмотра взрослых до первой ночёвки в четырнадцать у подружки. Я думала, он сначала с собаками там всё прошерстит, потом камер слежения наставит, а потом ещё

и охрану.

Но самым сложным во всей этой ситуации с практикой в СИЗО оказался не запрет отца, а отсутствие его одобрения. Мне уже не пять и не восемь, но для меня по-прежнему важно, что он скажет, важна его поддержка.

Уже подъезжая к дому, делаю глубокий вдох и протяжно выдыхаю. Настраиваюсь.

– Всего доброго, – киваю таксисту и выхожу.

Бодрым шагом направляюсь к воротам и открываю калитку, а потом иду к дому. Ключ сжимаю крепче, чтобы пальцы не дрожали, когда открываю дверь в дом.

Мама и папа стоят на кухне. Отец обнимает маму и целует. Ну, к таким картинам я привыкла, они не особенно свои нежности скрывают.

– Привет, родители! – говорю максимально бодро, но голос на пределе, чтобы не дрогнуть. – Чего такие хмурые?

Отец переводит на меня тяжёлый взгляд, а мне хочется по-заячьи прижать уши.

Молчит. Давит своим авторитетом. Глаза как два штормовых облака.

– Голодная, дочь? – Мама встаёт между нами, принимая на себя ментальный огонь. Она всегда так делает, только каким-то лишь ей доступным образом разоружая отца.

– Чай пили на... на практике. Но поела бы. Но ты не колотись, мама, я и сама могу приготовить. Или с Даной съездить в кафе.

– В кафе она съездит. Сейчас, – раздаётся вибрирующий голос отца. Похоже, начинается. – Она у меня не то что в кафе, а вообще из дому не выйдет!

Ничего себе заявочки. Он несколько раз угрожал ко мне охрану приставить, но чтобы из дома не выпускать – это уже слишком так-то.

– А кандалы на ногу не повесишь, пап? Или ошейник, что током бьётся, как у собак?

Мамин взгляд мне сигналил о том, что палку я знатно перегибаю. Я это и сама чувствую, но меня тоже начинает нести. Вспыхиваю, как порох. Недаром же я дочь Алексея Шевцова. Вся в папочку.

– Это ты у себя на практике увидела, что такая умная?

– Там таким уже давно не занимаются. Я не в «Полярную сову» пошла на практику, папа.

– Ещё не хватало! – Он лупит кулаком по столу, отчего у меня все внутренности поджимаются. Папа никогда не бил меня, да и не наказывал даже, но у него такая энергетика, что когда он злится, все готовы пятый угол бегать искать. – Ты разбрасываешься такими понятиями, в которых ни хрена не смыслишь, Алиса. Это тюрьма, там преступники. Это не кино, понимаешь?

– Не все, папа!

Вот мы и дошли до сути.

– Ты лезешь не в своё дело, Лиса.

– Но я хотя бы что-то пытаюсь сделать!

Отец совсем уж мрачнеет. Мама кладёт ему ладонь на плечо, но кажется, даже её суперсила сейчас почти не помогает.

– Ты ведь знаешь, что он не виноват, и ничего не делаешь, – мой голос внезапно дрожит. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы родители поняли, что я неравнодушна к Шторму. Но, кажется, уже поздно...

По лицу отца невозможно ничего прочесть сейчас. Он поджимает губы, а мама хмурится.

– А ты что можешь сделать, м? – глухо спрашивает отец. Этот вопрос я уже задавала себе, когда задумала попасть именно на этот поток практики. И признавала, что... понятия не имею.

Не знаю что. Не знаю!

Я думала, что сделаю шаг, а там уже по ходу поймаю подсказку.

Но этот вопрос, прозвучавший вслух от отца, хлестнул больно. Задел.

– Держись от всей этой истории подальше, Алиса, – говорит отец, не дожидаясь, пока отвечу. Но мне, по сути, и нечего сказать ему. – И от самого Шторма в том числе. Разговор окончен.

Папа, смахнув с полки ключи от машины, широким шагом покидает гостиную и хлопает из коридора дверь, а я остаюсь в кухне с мамой. Устало опускаюсь на стул, пока мама включает чайник и что-то достаёт из холодильника. Они с папой очень редко покупают еду, предпочитают готовить

сами.

– Мясной пирог будешь?

– Угу, – киваю угрюмо, а у самой слюнки течь начинают. Вот что за организм такой? Девчонки на стрессе всегда худеют, говорят, есть не хочется, а на мой аппетит ничто не способно повлиять.

Мама наливает две чашки чая и ставит на стол. Отрезает кусок пирога мне, а потом и себе. Поменьше только, хитрая. Салат ещё достаёт, а потом взбирается на высокий барный стул напротив меня.

– Ешь, – кивает. И голос так ласково звучит у неё, что хочется взять и расплакаться.

Откусываю пирог. Объединение. Опять вместе готовили, наверное. Мама тоже ест и молчит. Не лезет с вопросами и советами, ждёт, пока меня прорвёт.

Я дожёвываю кусок, запиваю его чаем... и всё. На большее меня не хватает.

– Мам, ну правда! Ты же видишь, как он сам переживает! Руслан же был ему... важен!

Слова «как сын» застревают в горле. Я избегаю их в разговорах с родителями. Во-первых, мама потеряла ребёнка и больше не смогла иметь детей, а во-вторых, для родителей это особенная история. Я не знаю подробностей, но мне известно, что познакомились они, когда поженились мама моей мамы и отец папы. То есть родители стали сводными братом и сестрой. И поначалу у них сильно не заладилось.

– Папа очень переживает, я же вижу, – говорю уже тише, когда мама качает головой.

– Алиса, так и дала бы папе разобраться.

Я вздыхаю, но постепенно успокаиваюсь. Мама на всех так действует. С ней когда общаешься, сам не замечаешь, как отпускает напряжение.

Её коллеги говорят, что мама даже самых буйных успокаивает парой фраз. Папа, конечно, не в восторге от её работы в психиатрическом диспансере, но соглашается, хотя и скрипит зубами. Мама там начмед, она с пациентами редко работает, но иногда подключается.

Мы болтаем с ней ещё какое-то время. Я рассказываю про практику. Мама во время учёбы тоже подобную проходила. Пару случаев даже вспоминает.

Потом поднимаюсь к себе. Падаю на кровать навзничь и крепко прижимаю к себе огромную рыжую мягкую лису, которую папа подарил мне на десять лет.

Любимая игрушка. Подумать только, уже тринадцать лет она со мною.

А может, я правда ещё маленькая девочка?

Пусть и двадцать три мне исполнилось.

Капризничаю, принимаю импульсивные решения, влюбляюсь во взрослых парней... Живу с родителями и сплю в обнимку с плюшевой лисой.

Может, я слишком наивна и нужно слушать маму и папу?

– Нет уж, – отвечаю сама себе и сажусь резко, аж голова

кружиться начинает. – Выросла я уже, папочка. Сама знаю, что мне делать.

А утром, когда собранная выхожу, чтобы сесть в такси и отправиться снова в следственный изолятор на практику, обнаруживаю, что никакого там такси и нет. А есть огромный урчащий папин чёрный «лексус».

– Садись, Лиса.

– Мне нужно на практику, пап, – прижимаю к груди папку с документами и смотрю на отца сердито.

– Вот и поедem. А там я подожду тебя, пока ты закончишь. Свои дела как раз в том районе порешаю.

Что ж, кажется, это похоже на компромисс. Если, конечно, папа чего-нибудь не задумал.

Глава 4

– Пап... – обращаюсь к отцу первой и кусаю губы, пока едем. Быть в ссоре с отцом для меня тяжело. Словно камень на груди. – Слушай... прости, что не сказала тебе, что всё же приняла решение проходить практику в следственном изоляторе.

Отец продолжает смотреть чётко в лобовое. Челюсти напряжены, губы поджаты. Только цифры на спидометре растут. Потом он, словно осознав, что начинает слишком разгоняться, негромко вздыхает и чуть сбавляет скорость. Но молчит.

Ладно. Помолчим.

Но когда мы проезжаем мост, отец делает музыку тише и, не оборачиваясь ко мне, заявляет:

– Сегодня отработаешь день практики, а потом напишешь заявление о переводе на другой объект. Хочешь практику в СИЗО? Выбери другое.

Внутри появляется пульсация и поднимается горечью к горлу. Начинаю жутко злиться на отца. А казалось же, что он принял мой выбор!

– Я этого делать не буду, – недовольно складываю руки на груди и тоже впериваюсь взглядом в ленту дороги через лобовое.

– Будешь, Алиса, – тон отца непреклонный. – Иначе это

сделаю я.

Капец. Ещё не хватало, чтобы на последнем курсе университета отец ходил и решал за меня что-то. Со стыда сгореть можно.

– Папа, да в чём проблема? – буквально взрываюсь, всплеснув руками. – Что такого в этом СИЗО? В чём проблема, если я хочу хоть что-то разузнать про дело Шторма?!

Из меня ключом бьют эмоции, а вот отец выглядит словно скала – спокоен и нерушим. Хотя я знаю, что внутри у него сейчас фонтанирует ярость. Алексей Шевцов прекрасно умеет владеть собой, когда ему это нужно. И именно этим контролем и давит.

– Тебе не следует ничего разузнавать. Держись от всего этого подальше, Алиса.

– Да почему?!

– Потому что это очень опасно, – рывкает отец, повернувшись ко мне. И я понимаю, что он не шутит. Не говорит это лишь для того, чтобы вразумить меня. Не пугает – констатирует факт. Я слишком хорошо его знаю, чтобы понимать, когда он преувеличивает, а когда определяет реальные масштабы.

Замолкаю и смотрю вперёд на дорогу, переваривая его слова и то, как он это сказал. Сомнения ворочаются в груди.

– Ты что-то знаешь об этом, да, пап? – поворачиваюсь и внимательно всматриваюсь в его профиль, пытаюсь в его мимике и поведении найти подтверждение своим догад-

кам. — Что-то помимо официального дела?

Отец хмурится. Вижу, что колеблется, говорить мне или нет.

— Тут что-то нечисто, да?

— Лиса, просто не лезь, ладно? — голос отца немного смягчается. — Я разбираюсь. И обязательно разберусь. Но ты, пожалуйста, не мешайся под ногами. Ты же сама понимаешь, что это может связать мне руки.

Конкретики никакой, но уже что-то. Хотя бы какой-то конструктив.

— Ты можешь мне сказать, пап.

— Давай без твоих психологических штучек, Лиса. У меня иммунитет к ним, помнишь? Мама взрастила.

Блин. Эх. Ну, я попробовала хотя бы.

— Я не шучу, Алиса. Отойди в сторону, тогда я попытаюсь. А потом мы уже поговорим, почему тебе вдруг так интересно стало дело Шторма.

Ой. Вот тут надо осторожнее. Открыто заявить отцу, что я с подросткового возраста втрескалась в его воспитанника, я не решалась очень долго. И сейчас не готова. И обсуждать это тоже.

Поэтому киваю и замолкаю. Кажется, мой отец нашёл способ заткнуть меня.

Он тормозит на парковке возле СИЗО, но мотор не глушит.

— Ты до которого времени на практике?

– До двенадцати.

– Заберу тогда. И, Лиса... – смотрит внимательно прямо в глаза. – Без выкрутасов давай, хорошо?

Закатываю глаза и, скинув ремень, дёргаю ручку машины. Конечно, папочка, куда уж мне, глупенькой.

Штатного психолога изолятора сегодня нет и, как сказал крыс Борьков, не будет. Что-то там по семейным. Поэтому практикантов распределяют по конторе помогать с бумажками разбираться. Удобно, чего уж. Но практикант на то и практикант – бесплатная рабсила.

Меня отправляют в кабинет начальника изолятора и поручают очень важную работу – вносить данные из архивных документов в программу для оцифровки. Пять лет вуза, пять лет ожиданий ворваться в профессию, пять лет романтики – и вот. Вбивай циферки с пожелтевших документов.

Но делать нечего. Сижу и выполняю то, что поручили. Говорить с начальником и с куратором практики в универе о переводе не спешу. В конце дня сделаю это. А пока пытаюсь эмоционально проглотить это соглашение с отцом.

Начальник занимается своими делами. В кабинете бывает редко, так что я тут практически одна постоянно сижу. Часа два точно. А потом он врывается злой и возмущённый, разговаривая по телефону. Меня, сидящую в углу за столом с дополнительным компьютером, игнорирует.

– Ляна Борисовна, какого хрена? – Кажется, гнев его обращён на штатную психологиню СИЗО. – Ты сказала, что

всё сделано, поэтому тебе нужен отгул! Ни хера не сделано! С меня прокурор результаты психологического тестирования Шторма трясёт уже сутки. Ему срочно! Дело громкое! Пресса и вся прочая фигня как собаки голодные.

Я перестаю печатать и прислушиваюсь.

– Да какие практиканты, блять, они желторотые! Давай езжай. Мне плевать, что ты там занята. Свадьба не свадьба там у твоих родственников – с меня прокурор штаны снимет и поймееет, если я не предоставляю документы!

Он швыряет выключенный телефон на стол, обозвав сквозь зубы психологиню козой.

– Нахера я вообще держу эту бабищу, – бубнит под нос. – Только и знает, свои дела решать. Работать не хочет.

Меня он замечает будто случайно. Хмурится сначала – видно, что не особенно рад, что у его эмоций есть свидетель.

– Извини, девочка, – говорит негромко. – Бесят эти тунелюды.

Мысль о возможности простреливает резко. Откашливаясь, встаю и со всей серьёзностью профессионала смотрю на начальника.

– Лев Вениаминович, я могу взять на себя обязанности Ляны Борисовны сегодня. Я завершаю обучение на практического психолога и как раз прохожу у вас практику. И, в принципе, собираюсь связать свою профессиональную деятельность с пенитенциарной системой.

Ладно, последнее уже я придумала прямо сейчас.

Он смотрит внимательно, поставив руки в бока, а я с достоинством выдерживаю его взгляд, приняв деловой вид.

– Там ничего сложного, – пожимаю плечами, показывая, что справлюсь с лёгкостью. – У Ляны Борисовны есть стандартизированные формы опросников, есть инструкция. Я проведу тестирование подозреваемого и потом обработаю результаты. Всё займёт не более двух часов.

Он думает. Решается. Но я уже вижу, что «снятые прокурором штаны» не сильно прельщают Льва Вениаминовича.

– Девочка, а ты вообще в курсе, какая статья у Руслана Шторма?

– Да, – киваю, стараясь не выказывать заинтересованности больше, чем должно быть у горящего энтузиазмом молодого специалиста. – Я изучала его дело.

– Не боишься?

– Я осознанно шла в профессию, Лев Вениаминович, – отвечаю важно.

– Ладно. Готовься. Возьми на вахте ключ от кабинета Ляны Борисовны, посмотри, где там эти бумажки. Через двадцать минут тебя будет ждать конвоир у ворот в режимный корпус, чтобы сопроводить на встречу с заключённым.

Сил приходится приложить немало, чтобы не взвизгнуть от представившейся возможности и пройти к выходу степенно и важно. Пока спускаюсь к вахте, меня едва ли не лихорадить начинает.

Да, папочка, я переведусь. Прямо сегодня, как и обещала.

Но сначала сделаю хоть что-то из задуманного – я встречу
со Штормом.

Глава 5

У Ляны Борисовны действительно в кабинете чёрт ногу сломит. Не знаю, как она находит нужное. Журналы учёта и регистрации стоят в разных местах, бланки для опросников просто вперемешку навалены в лотки, на столе под стеклом бесщётное множество всяких разноцветных записок с настолько старыми датами, что уверена, если я сейчас выброшу большую часть этих листочков – Ляна Борисовна и не заметит. Приходится хорошенько постараться, чтобы найти нужные бланки.

Плюс я ещё жутко нервничаю. Пытаюсь успокоиться, ведь именно к этому моменту я и стремилась. Даже с отцом на конфликт пошла! А теперь руки дрожат и кожа на ладонях влажная. Не хватало ещё, чтобы это сочли за неуверенность.

– Нашла! – Вытаскиваю файл с распечатанными первичными личностными опросниками.

Но это оказывается настоящий «винегрет». Один лист от опросника на диагностику депрессии по шкале Бекка, другой по Спилбергу на тревожность, по Томасу на конфликтность. А комплексного первичного нет!

Приходится включить компьютер и хорошенько поискать, чтобы найти стандартизованный первичный. В компьютере, к слову, ситуация ещё хуже. Абсолютно все файлы и папки разбросаны на рабочем столе. Они такие мелкие, что прихо-

дится на каждый наводить курсор, чтобы выпало название.

Наконец, нахожу нужный файл, распечатываю и всё складываю в стопку. Смотрю на себя в большое зеркало, что висит возле двери. Боже, у меня глаза сверкают, словно я температурю. Хотя, может, так и есть.

Сколько мы не виделись? Лет десять. Это ведь я наблюда-ла за ним со зрительских трибун и с экрана телевизора. А он меня в последний раз видел ещё подростком, когда после его первой победы мама настояла на праздничном ужине у нас дома.

Я тогда сидела почти всё время молча и едва дышала. Даже есть не могла. Мне казалось, что Шторм тогда собой занял всю нашу огромную гостиную, вытеснив всё остальное и все мои мысли из головы. И, конечно же, он не отнёсся тогда ко мне серьёзно. Да и как бы это могло быть? Мне было тринадцать... Заметил ли вообще?

Переплетаю пучок на голове и поправляю жакет. Не сдерживаюсь и немного покусываю губы, чтобы выглядели слегка припухшими. Ох, видел бы меня сейчас папа... Но лучше, конечно, не надо.

Беру документы и иду к воротам в режимный корпус, где меня уже ждёт сопровождающий. Он даёт короткие инструкции, а потом велит следовать за ним.

Иду уверенно, чеканя шаги. Но сердце грохочет в груди так, что мне кажется, его бой слышен на весь коридор.

Шторм уже в допросной. Руки скованы наручниками.

Сердце ёкает, когда вижу его таким. Не на ринге в лучах славы, а вот так... В клетке, словно он зверь, а не человек. Но тем не менее он не выглядит удручённым или унылым. Всё такой же прямой твёрдый взгляд, всё так же гордо поднята голова и расправлены плечи.

– Добрый день, Руслан Русланович, – говорю, незаметно прочистив горло, пока конвоир занимает место за спиной Шторма. – Меня зовут Алиса Алексеевна, я замещаю штатного психолога и должна провести стандартное психологическое диагностирование.

– Добрый, – окатывает меня равнодушным взглядом. – Надо – значит, проводите.

Он меня не узнал. На имя внимания не обратил, да и мало ли Алис Алексеевен. Предполагаю, что он, в отличие от меня, все эти годы совершенно не думал обо мне. С чего бы ему вспоминать малолетку какую-то? Пусть и дочку его тренера.

Опускаюсь на стул напротив, ощущая жуткое напряжение в мышцах, будто лом в спину вставили. Словно на гвозди я села, а не на стул. Приходится хорошенько себя одёрнуть, чтобы не пялиться на него во все глаза.

– Вот здесь есть вопросы, на которые вам нужно ответить, – протягиваю по столу первый лист. – Пожалуйста, прочитайте внимательно и ответьте максимально честно. Пишите разборчиво. Если что-то будет непонятно – спрашивайте.

Руслан кивает и подтягивает к себе листок. Берёт ручку

и начинает отвечать на вопросы. Пишет размашисто, быстро выводя ровные буквы.

В полной тишине слышен только лёгкий скрип ручки о бумагу. Ну и мой пульс, наверное.

Я рассматриваю его. Резкую линию тёмных бровей, прямой, немного с горбинкой нос, волевой подбородок, покрытый лёгкой щетиной, плотно сжатые чётко очерченные губы.

Боже, Алиса, сейчас не тот момент, чтобы сидеть и пялиться на его губы!

– Я здесь закончил, – вскидывает на меня глаза, обжигая кожу, и протягивает листок обратно.

– Вот тут ещё нужно заполнить, – подсовываю ещё два листка.

Шторм подвигает листок и задерживает на мне взгляд на пару секунд. Всматривается прищурившись, заставляя кровь бежать быстрее по моим венам, а потом снова опускает глаза к бумаге и продолжает писать.

Я зависаю, будто под действием какой-то магии. А потом вдруг этажом выше что-то глухо падает на пол, и в это же мгновение Шторм вскакивает и бьёт локтем под дых конвоира. Наручники оказываются не закреплёнными, он их сбрасывает и защёлкивает на запястьях охранника. Ещё одно молниеносное движение – и тот оседает на пол, придерживаемый Русланом. Всё происходит так быстро, что я и понять толком не успеваю.

Внутренности мгновенно сковывает льдом от страха. Я

пытаюсь вскочить со стула, но Шторм бросается ко мне, хватая за руку и резко дёргает на себя. Развернув спиной, крепко прижимает к груди, закрыв ладонью рот.

– Тише, детка, не кричи, – его негромкий голос так близко, что я чувствую тёплое дыхание на своей коже. – Всё будет хорошо, если будешь послушной девочкой.

Мне кажется, я сейчас умру от страха. Чувств уж точно лишусь – голова начинает кружиться. Трудно поверить, что всё это реально, что это не розыгрыш.

– Что ты творишь? – тихо шепчу, когда он убирает ладонь, позволяя мне судорожно вдохнуть, а сам к чему-то прислушивается.

– Сбегаю, – шёпот в ухо, от которого по всей спине бегут мурашки. – Сваливаю отсюда. Ты можешь мне не верить, но я не совершал того, в чём меня обвиняют.

– Суд разберётся, – ещё я хочу добавить «и мой отец тоже», но не решаюсь. – Ты сейчас можешь совершить большую ошибку. Потом точно будет хуже.

– Хуже уже точно не будет. Пока суд разберётся, я уже буду мёртв. К завтрашнему утру точно. Так что прости, но мне пора уходить. И ты пойдёшь со мной.

– Что?! – едва ли не задыхаюсь от шока.

– Да, малыш, мне нужна гарантия. Поэтому теперь ты – моя заложница.

Сжав моё запястье в стальном кольце своих пальцев, Шторм подаётся к двери, увлекая за собой и не оставляя вы-

бора.

Глава 6

– Эй, стой, – пытаюсь выдернуть руку. – Куда ты меня тащишь?

Забрав ключи у конвоира, лежащего без сознания, Шторм открывает замок и, крепко сжав моё запястье, тащит за собой по коридору.

– Ты меня слышишь? – Я предпринимаю вторую попытку.

Он резко останавливается и прижимает меня к стене всем телом, заставляя задохнуться от его близости. Я слишком долго была влюблена в него на расстоянии, и сейчас от такого резкого наплыва эмоций вот-вот случится передоз.

– А ну тихо, я сказал, – говорит негромко, но грозно, приблизив своё лицо к моему. – Я не буду цацкаться с тобой. Сказал идти – и ты идёшь, девочка. Молча.

– Ты совершаешь ошибку, – пытаюсь вразумить его. – Побег – не выход. Остановись сейчас, иначе последствия будут катастрофические.

– Ты меня плохо слышала? – кладёт ладонь рядом с моей головой на стену и наклоняется ближе, заставляя вжаться в стену. – Оставь свои штучки при себе, психологиня. Я сыт по горло болтовнёй.

Я вдруг понимаю, что мне становится страшно. Я боюсь его. Это не шутки, и он сейчас – не далёкая идеальная подростковая мечта.

Настоящий. Из плоти и крови. Опасный. Злой. И он не на прогулку по набережной меня зовёт – он взял меня в заложницы. Это, мать его, совсем не шутки.

– Там десятки вооружённых охранников. Двери, замки, камеры. Как ты собираешься всё это преодолеть? А если и сможешь, то что дальше? Будешь в подворотнях прятаться?

– По-твоему, я идиот? – прищуривается. – Я всё это знаю. А ещё я знаю, что твари, которые подставили меня, сделали это не просто так. Но сейчас некогда. Пошли.

Он снова больно сжимает мою руку и дёргает на себя, по-нукая бежать за ним.

Удивительно, но следующая решётка по коридору оказывается незапертой. И все последующие тоже. Ни сигнала тревоги, ни сирен – ничего. Тишина.

Значит, ему помогают.

В одном из коридоров Руслан сворачивает направо, и мы спускаемся вниз на несколько пролётов. Мне кажется, это уже подвал. Шторм несколько раз негромко стучит в низкую, покрытую многолетними слоями серой краски железную дверь. Через секунду та открывается. За ней явно человек, но он остаётся в тени, пропуская нас в тёмное душное помещение.

Ритм пульса в моих жилах бешеный. Сигнал опасности на максимум. Я потрясена происходящим до такой степени, что у меня ноги подкашиваются. Волоски все на теле дыбом

встают.

Я могла бы ему сейчас сказать, кто я и кто мой отец. Уверена, Шторм бы меня отпустил сразу же. Но... куда он пойдёт? Что будет делать? Где мы с отцом потом будем искать его?

– Пригнись, – командует Шторм, продолжая крепко удерживать меня за руку.

Он зажигает фонарик и светит перед собой. Вдоль стены видны несколько идущих параллельно толстых труб. Они уходят в стену, но возле них есть проход. Ну как проход... Скорее шахта. Пригнуться надо, и тогда получится протиснуться.

– Я туда не полезу, – упираюсь, пытаюсь высвободить запястье.

– Темноты, что ли, боишься? – спрашивает с сарказмом.

– Вообще-то да, – отвечаю серьёзно. – И замкнутого пространства тоже.

И не просто боюсь, а до паники. Я и сейчас сплю с ночником, а уж в детстве, помню, до истерики доходило, когда нужно было ночью в туалет встать и идти самой по темноте. Поэтому у нас в доме всегда ночные лампы в коридоре горели.

– Не бойся, детка, ты со мной, – Руслан иронично выгибает бровь, а потом тащит в эту жуткую тёмную нору. – Тем более у нас есть фонарик.

Я предполагала, что он может быть засранцем, но, при-

знать, не думала, что таким.

Пока мы пробираемся в этой шахте, я считаю шаги, чтобы хоть как-то отвлечься от грохочущего пульса и нарастающей паники. Уже не только Шторм крепко сжимает мою руку, но и я вцепляюсь в его. Кажется, что воздух вот-вот закончится, и я попросту задохнусь.

– Долго ещё? – шепчу, ощущая, как под волосами выступает испарина.

– Нет, – негромко отвечает.

– А что ты дальше со мной собираешься делать? Кино на-смотрелся и думаешь обменять на вертолёт и сто тысяч долларов?

Шторм негромко смеётся. Надо же, в такой ситуации он ещё и смеётся!

– Могу отпустить. Хочешь?

– Правда?

– Да. Но только здесь и сейчас. Потом – нет.

По рукам мурашки бегут, стоит представить, что он тут сейчас бросит меня. И даже если найдут скоро, я быстрее с ума сойду. Тут же сыро, темно, душно и, думаю, крысы водятся.

О господи, ну зачем я об этом подумала?

– Нет-нет, тут не надо.

– Я так и думал, – снова ржёт, и мне хочется его стукнуть.

Вообще, ситуация странная. Он – беглый заключённый, преступник для всех, насильник, хотя его вина ещё не до-

казана. Но обществу ведь не всегда нужны доказательства. Хватит и громких фраз и лозунгов, чтобы человека на всю жизнь заклеить.

А ещё он взял меня в заложницы при побеге и тащит по какой-то шахте. Но при этом мы беседуем и смеёмся.

Что может быть ещё более странным?

– Ты же не собираешься меня убивать? – спрашиваю его, сама не понимая, в шутку или всерьёз. – Отпустишь потом?

– Отпущу, конечно. Когда гарантии получу. Но если будешь много болтать, то кто знает.

– Поняла. Молчу, – пишу в ответ.

По шахте мы идём долго. Минут через тридцать этого жуткого кошмара мы, наконец, выбираемся наружу и выходим из двери какой-то небольшой кирпичной будки. И стоит она прямо в поле... Ну то есть не то чтобы совсем в бескрайнем, а скорее в пустыре. Достаточно далеко виднеются высотки в процессе стройки. Один из новых районов растёт, что в нашем городе происходит со скоростью света.

А возле будки стоит машина. Без водителя и, как оказывается, с ключами в замке зажигания. Кто-то помогает Шторму бежать, явно же он не сам всё это провернул. Открытые замки, отсутствие тревоги, машина... У меня даже возникает мысль, а не мой ли отец к этому руку приложил?

Но я тут же её отметаю. Папа всегда был на стороне закона, он бы не позволил Шторму так себя запятнать. Особенно если тот невиновен.

– Садись, – тащит меня к тачке и заталкивает в неё. – И смотри, чтобы без фокусов, поняла меня?

– Поняла, – закатываю глаза, за что получаю в ответ убийственный взгляд.

Ну прости, друг, ты меня похитил, а я ещё что, радоваться и мило улыбаться тебе должна?

Сам он плюхается на водительское и заводит мотор, а потом направляет машину на грунтовку вдоль реки.

– Слушай, как там тебя зовут, ты сказала?

– Алиса.

– Алиса, ты уж прости, ничего личного, ладно? – Мне кажется, или я различаю едва уловимые виноватые нотки? – Меня подставили, потому что я мешал кое-кому дотянуться до звезды. А точнее, до чемпионского пояса. Попытались грязно слить, но не всё у них вышло гладко. Поэтому решили шлёпнуть прямо в СИЗО. Мне пришлось дёргать оттуда, чтобы выжить. А разбираться, что к чему, буду позже.

В ответ я лишь качаю головой. Не знаю, что ему ответить. Если всё так, как он говорит, – а зная Штурма, я не вижу причин не верить ему, – то выбора у него особенно и не было. А может, и был – расскажи он всё моему отцу.

Хотя, может, папа этим и занимался? В курсе был, что Руслану угрожает смертельная опасность. Не просто же так он сказал мне всё это сегодня в машине.

В кармане джинсов вибрирует телефон. Достая и вижу на экране, что звонит отец. Лёгко на помине.

На часах двенадцать. Он как раз ждёт меня у входа, вот и звонит.

Внутри поселяется дрожь, стоит только представить, как его потряхнёт, когда он узнает, что меня похитили.

Ой, кстати, теперь Шторму не надо будет бояться тех, кто хочет его убить. Мой отец сделает это первым.

– Эй! – возмущённо вскрикиваю, когда Руслан выдёргивает у меня из рук телефон.

– Папочка... – Он поднимает брови, глядя на экран. – Отец или папик?

– Отец, конечно! – пытаюсь выхватить телефон. – Отдай!

– Прости, детка, но я не могу себе позволить, чтобы нас срисовали.

А потом он открывает окно и выбрасывает мой смартфон прямо в мутную зеленоватую воду Кубани.

– Ты вообще нормальный? – сердито всплёскиваю руками.

– Потихе тут, – рывкает на меня, напоминая, что мы не развлекаться едем и что мне отведена определённая роль. – Потом извинишься перед папочкой за меня, что заставил поволноваться.

Засранец. Сам потом и извинишься. А я на это посмотрю.

– Куда мы вообще едем? – спрашиваю, глядя, как он сворачивает под мост.

– В лес.

В лес?! Ну вообще супер.

Глава 7

– Я не хочу в лес, – складываю руки на груди.

– А я и не спрашиваю, чего ты там хочешь, – отмахивается Руслан, как от надоедливой собачонки. – Мы не на прогулку едем.

– Знаешь, а через экран ты другим казался, – отворачиваюсь и смотрю в окно. Наблюдать, как машина несётся прямо у обрывистого берега, как-то жутковато. Шторм сейчас ведёт совсем не мягко.

– Добро пожаловать в реальный мир, детка, – отвечает холодно.

Да, так и есть. Реальный мир всегда более жёсткий, более бескомпромиссный. Мы идеализируем человека, когда влюбляемся, забывая, что в каждом из нас есть даже не две, а много сторон. И тем не менее понимание этого совсем не мешает нам боготворить и любить дальше.

И мне не мешает...

Едем мы долго. Часа два точно. Не по трассе, конечно же, а то по грунтовке, то через какие-то посёлки и станицы. Меня удивляет, что Руслан не включает навигатор, а и без него отлично ориентируется. Наверное, эти места знакомы ему.

– Это дело рук Риданова? – спрашиваю спустя какое-то время. Молчать долго для меня совсем нелегко.

Тихон Риданов – тоже спортсмен, боец. Он из Москвы.

Именно с ним у Шторма должен был скоро состояться бой.

Риданов сильный противник. Но однажды Руслан его уже победил. Сейчас Тихон запросил реванш. Буквально через месяц предстоял решающий бой за титул чемпиона.

А потом это обвинение, как снег на голову. В прессе, конечно же, гуляли слухи, что Риданов так решил слить соперника, но повестку с виной Шторма разогнали слишком грамотно и громко, что людям было проще и занимательнее поверить, что он и правда сделал это. Богатый боксёр, на пике славы и формы, почувствовал себя безнаказанным и решил, что ему всё можно. Любые развлечения. Женщины в том числе, даже если они не хотят. Это была вкусная новость для сплетен. Шокирующая, грязная, но такая увлекательная!

Руслан молчит несколько секунд. Он ведь не знает, кто я, не помнит, поэтому и обсуждать со мной что-то не спешит. И понять его можно.

– Я не могу этого утверждать, – всё же говорит нехотя. – Без доказательств. Даже думаю, что он, скорее всего, совершенно ни при чём. Рид – хороший боец. Честный. Чего я не могу сказать о его окружении. Я слышал... что не все его спонсоры были довольны тем, что мы должны были биться.

– Слишком много на него поставили? – киваю, догадываясь.

– Очень может быть.

– Настолько много, что слить тебя в тюрьму было недо-

статочно?

– Может, и достаточно, – пожимает плечами и резко объезжает ямку на дороге, отчего я едва не стукаюсь головой об окно машины. – Но чисто сработать не вышло. Вот и решили окончательно слить, чтобы уж наверняка.

– Наверное, за тобой тоже кто-то стоит? Кто-то, кто не поверил во всю эту дичь с изнасилованием... – Конечно, я намекаю на своего отца. Мне интересна реакция Шторма. – Уверена, есть такие люди.

– Есть, – отвечает, нахмурившись. – И... боюсь, им не понравится то, что я сделал сегодня. Но выхода у меня не было.

– То есть они не в курсе? – специально зеркалю множественное число, как и сказал сам Шторм. Мне важно понять, имеет отец отношение к побегу или нет.

– Я не хочу втягивать в это тех, на ком потом это может нехорошо сказаться. Сам решу свои проблемы, а дальше видно будет. Сейчас нужно дождаться кое-каких фактов от некоторых людей.

– А ты этим фактам можешь доверять?

– Нужно будет – проверю. Короче... ты не забивай себе голову, девочка.

Меня это его «девочка» уже порядком раздражать начинает. Никогда не любила все эти «детка», «куколка», «малышка». Только папины «лисичка» и «принцесса». Но это папа. Ему можно. А слышать такое от парней для меня всегда было как-то унижительно. Будто я глупая дурочка.

– Меня Алиса зовут. Не девочка и не детка, – говорю твёрдо, совсем не скрывая своего раздражения.

– Как скажешь, – усмехается. – Алиса...

Когда он произносит моё имя, по плечам почему-то бегут мурашки. Ещё и взгляд бросает, пусть и быстрый, но внимательный такой. Будто только сейчас решил рассмотреть, кто же тут рядом с ним в машине сидит.

Взгляд этот я выдерживаю, а потом демонстративно отворачиваюсь к окну. Хватит с меня болтовни с похитителем.

Признаться, я уже и нервничать начинаю. Поначалу я даже восприняла это в некотором роде как приключение. Но сейчас, когда мы едем уже по горной местности, становится страшновато.

Руслан останавливает машину перед двором какой-то деревушки, спрятанной в горах, и выходит. Я вжимаюсь в кресло в ожидании. Мне он, конечно, не докладывает, куда и зачем вышел. Может, тут живёт кто-то, кто должен ему помочь? Или он планирует прятаться здесь.

– На выход... Алиса, – открывает мою дверь резко, заставив вздрогнуть от неожиданности. На имени делает особый акцент.

– Мы будем ждать информацию от твоих людей здесь?

– Я буду ждать, а не мы, – поправляет. – Нет. Дальше пешком пойдём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.